

Бытие определяет сознание.
Но сознание распознаёт
в бытие красоту.
А красота спасёт мир.

Эстетический квест для «золотого ключика»

Выставка-инсталляция и книга-фотоальбом «Счастье за поворотом» архангельского фотохудожника Юлии Поповой и поэта Игоря Григорова — это событие в масштабах столицы Поморья. И я думаю: это даже больше, чем событие — это эстетическое явление, эксклюзивное оригинальное творческое проявление удачного соединения, сплава слова и изобразительного искусства.

Юлия ПОПОВА (Батова) родилась в 1976 г. в Архангельске. Окончила институт экономики, финансов и бизнеса Архангельского государ-

ственного технического университета. Много путешествует по Архангельской области, где и находит сюжеты для фотографий. Основные направления в фотографии — жанр и портрет. Участник и призёр российских и региональных выставок и конкурсов. Победитель конкурса Русского географического общества «Самая красивая страна» с фотографией «Рыбачка» (2017). Член Союза фотохудожников России, EFIAP (художник Международной федерации фотографического искусства), член архангельского фотоклуба «Сплочихи».

Игорь ГРИГОРОВ родился в 1964 г. в городе Арсеньеве Приморского края. Окончив геологоразведочный факультет Ленинградского горного института, стал третьим поколением династии геологов Гри-

горовых. В геологических маршрутах родились первые стихи и песни. Руководитель Архангельского отделения Российского геологического общества. Автор пяти книг стихов и двух десятков публикаций в российских и зарубежных журналах и сборниках. Член Российского союза писателей, Союза писателей XXI века, лауреат международного конкурса «Наследие», кубка мира по русской поэзии, диплома и медали С. Есенина.

Фотографии Юлии Поповой могут быть по праву отнесены к образительному искусству. В них есть все признаки фотографии, ментально фиксирующей сиюминутность текущей, неповторимой жизни. И признаки живописи, отражающей настроение, душевные импульсы, духовные убеждения и метания художника, когда цвет, тени, перспектива и прочие базовые составляющие классического ученического рисунка вторичны и

зависимы от авторского взгляда на мир.

Юлии Поповой, на мой взгляд, в полной мере удалось создать свой мир. Это фотоработы, отобранные под одну вполне определённую идею. Объединённые пространством выставки и/или книги они, сделанные в разные периоды, уже событие. А стихи Игоря Григорова, сопровождающие фотокартины, превращают выставку и альбом в уникальное явление. Вопрос о первичности курицы и яйца неуместен. Первичны фотографии: они выполнены ранее стихов, это основа выставки, а стихи, как признаётся сам Игорь Григоров, писались в качестве «иллюстрации к фотографиям». Этого поэт мог и не говорить: содержание, стилистика четверостиший, их объём — максимум восемь строк — говорят сами за себя. И вот здесь происходит то, что в системном, комплексном подходе называется «эффектом синергии»,

Русская женщина

Июль

когда один плюс один в результате больше, чем два. Так работают эффективные команды. Так работают творческие союзы. В художественной литературе, в кино есть примеры сотворчества писателей или режиссёров. Думаю, такие примеры можно обнаружить и в других видах искусства. Но там речь идёт о творцах, работающих на одном поле, одними средствами — художественным словом, кинокадром, музыкальным звуком, красками и так далее. Те же спектакль, кинофильм — это произведения синтетических искусств, объединяющих разные формы творчества для того, чтобы создать некий новый событийный мир и, как в случае со спектаклем, исчезнуть после закрытия занавеса, или остаться на киноплёнке (ныне в цифре), как это происходит с фильмом.

Для слова и рисунка таким увековечиванием взаимопроникновения становится книга. Но в том-то и дело, что в случае с книгой первично Сло-

во, а иллюстрация используется как его сопровождение, для усиления эффекта катарсиса. Нам известны примеры, когда иллюстрации становились самостоятельными явлениями искусства и начинали жить своей жизнью. Рисунки того же Билибина к русским сказкам, Сальвадора Дали к «Божественной комедии» Данте. В нашем случае фотохудожник встретилась с поэтом и показала свои фотографии, поделилась идеей выставки. Поэт вдохновился. И произошло чудо...

Фотографии Юлии Поповой стали поводом для появления у Игоря Григорова самостоятельного поэтического цикла, состоящего из полноценных стихотворений, которые невозможно отнести просто к рифмованным подписям под фотографиями. И выставка, и альбом отражают эту самостоятельную творческую ценность произведений, рождённых с помощью объектива фотоаппарата и Слова. Каждый из авторов прояв-

ляет величайшее уважение к созданному другим участником творческого союза. Не говоря уже о том, что в название выставки и книги-альбома вынесены имена обоих авторов, каждой из материализованных идей творческого союза выделено своё пространство. Фотографии Поповой размещены, как и положено, на отдельных планшетах-постерах. А стихи Григорова, хоть и расположены рядом с фотографиями, подчёркивая тем самым тематическую связь с ними, при этом напечатаны на отдельных вертикальных белых баннерах. И словно для придания стихам ещё большей самоценности, на баннерах — графические наброски, карандашные рисунки, одновременно повторяющие изображения с фотографий, но в то же время иллюстрирующие поэтический текст: абрисы

деревенских домов, линия речного берега, рисунки на песке, и ещё, ещё... Словно штрихи жизни, ассоциации, вызванные уже не фотографиями, а поэтическим словом, как взмах волшебной палочки — вновь возвращают нас к первоисточнику — взгляду на этот прекрасный-прекрасный неразгаданный мир. Так рождается чудо.

Вы помните: «В начале было Слово...»? Но, сотворив сущий мир, «...увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма». То, что сотворили Попова и Григоров, — весьма хорошо, и это надо видеть своими глазами: смотреть на фотографии, читать стихи, отмечая «боковым зрением» штрихи сопутствующих Слову графических иллюстраций, и вновь разглядывать фотографии, удивляясь и восхищаясь одновременно: «Как я сразу этого не заметил!» Особая привлекательность мира, сотворённого Игорем и Юлией, заключается именно в этой возможности соучастия зрителя-читателя в создании нового произведения: здесь и сейчас у каждой выставочной инсталляции, на каждом книжном развороте, где, как и на выставке, стихам и фотографиям выделено своё полноценное, равно-сопоставимое пространство — отдельная книжная страница.

Таким образом, «Счастье за поворотом» — это ещё и особая, собственная эстетика подачи произведений искусства, когда фотокартина и текст не мешают друг другу, но, сохраняя пространственную самостоятельность, добавляют новые смыс-

лы-открытия: поэтическое слово «дорисовывает» фотографию, а фотография «дописывает» стихи. Мы же, кажется, просто разглядываем и прочитываем, словно вовлекаясь в детскую игру-загадку, в «квест», где есть всё, что необходимо для увлекательной ролевой игры — тайна, задания и «свет в конце тоннеля» — выход, который может оказаться совсем не таким, каким мы себе его представляли, но в любом случае он будет прекрасным. Счастье за поворотом как сказочный мир за нарисованным очагом в бедной камерке папы Карло... И оказывается, что за этой простотой разглядывания фотографий и прочтения коротких и, на первый взгляд, незамысловатых катренов, скрывается волшебная сила, делающая нас эстетически бо-

гаче, душевно мягче, откровеннее и добрее.

«Символист» Попова и «романтик» Григоров

Было бы, наверное, не так радостно и волшебно, но скучно и обыденно, если бы Игорь Григоров и Юлия Попова оказались на «одной волне». Речь идёт не только о своеобразии инструментария и формы подачи материала каждым из участников творческого союза, не только об особой, объединяющей эстетике выставки и книги, характеризующей авторов как людей с высоким художественным вкусом и чувством меры. При всех этих свойствах и качествах, не будь у поэта и фотохудожника «своей песни» — своего, личного голоса и взгляда на мир, никакое бы обещание «счастья за поворотом» не спасло предлагаемый квест: ответ на загадку, выход были бы найдены сразу при входе, при открытии первых страниц книги — дальше можно

было бы не ходить по выставочному залу, не рассматривать фотографии, не листать страницы, не читать стихи.

Форма придаёт произведению искусства неповторимость, но содержание и скрытая идея делает произведение привлекательным, оставляя то волшебное «послевкусие», катарсис, за которым мы приходим в выставочный зал, театр, кинозал, ради которого берём в руки книгу. И если это происходит, нам хочется пересматривать, перечитывать, переслушивать и находить новые и новые смыслы, совершать новые открытия.

Тому, что сотворили Попова и Григоров, с этой точки зрения, повезло. Случилось ли это потому, что случилось или так было задумано, не берусь судить. Но так или иначе: из разных взглядов и подходов сложился новый, особый мир. Что до меня, то я больше склоняюсь к

формуле творческой удачи. Не об этом ли писал Пушкин, не без иронии, но хорошо понимая, что в каждой шутке есть лишь доля шутки: «Поэт беспечный, я писал// Из вдохновенья, не из платы...»? Мне кажется — Попову и Григорова в их содружестве-сотворчестве вело именно это самодостаточное личное вдохновенье, радость от собственных открытий (всё тот же «наше всё»: «Ай, да Пушкин! Ай да...» — ну, и так далее). Ведь рождённое тобой греет душу и рождает удовлетворение «плодами рук твоих», и ты сам для себя — зритель, читатель, ценитель и восхищённый критик. А то, что «по ходу дела» явленное в результате совместных творческих усилий вызвало ответную вдохновенную реакцию у зрителей и читателей, так это лишь... удачное следствие, а не точный расчёт. Шутка, конечно. Но, как сказано выше: в каждой шутке...

У каждого из участников «визуально-словесного проекта» (ещё одно «осовремененное» определение выставки под названием «Счастье за поворотом») — сохранён свой голос. Предлагаю вместе со мной попытаться эту «свойскость» услышать, разглядеть, а для этого... Что греха таить, охоч автор этой статьи до структурного анализа, когда гармонию алгеброй следует поверять, препарировав «волшебство творения». Это так же увлекательно, как делать научные открытия, находя в каждом частном новое общее и обнаруживать в нём новые взаимосвязанные элементы, как впервые пробовать на вкус изысканное блюдо — кончиком

языка, нёбом распознавать знакомые ингредиенты и восхищаться искусством повара, нашедшего удачные пропорции и сочетания всем известных продуктов...

Одно такое желание — раскрывать, распознавать, угадывать — уже говорит о том, что перед нами нечто новое, необычное, увлекательное, интересное, вкусное, загадочное — мало ли ещё какие эпитеты могут прийти в голову, когда имеешь дело с творческим явлением, будь то «дело рук и души человеческих» или следствие проявления воли Творца!

Мой путь постижения словесно-визуального творческого проекта Юлии Поповой и Игоря Григорова начался с определения характера, стиля подачи материала каждым из них. Как в музыке — один музыкант исполняет джаз, другой реп, третий рок и так далее, так и в других видах искусства обнаруживаются свои предпочтения. Но как быть с искусствами разными, как в нашем случае? Творческий инструментарий не просто отличается — он несопоставим в обыденном смысле: Слово и изображение. Если уж браться за анализ стилей поэта и фотохудожника, объединённых в одном проекте, то, как минимум, необходимо выбрать одно основание: общий критерий. Мне представляется, что таким критерием может стать сравнение творческих кредо — взглядов на мир. Такой подход тем более оправдан, что, по сути, «Счастье за поворотом» — это уникальный мир, созданный фантазиями поэта и фотохудожника.

И поскольку, о чём было объявлено в самом начале и подтверждено самими авторами, первоисточник проекта — фотографии, выполненные Юлией Поповой в разные годы творчества, с них и начнём наш разбор.

Фотомир, предложенный Поповой для синтетического проекта, скорее всего, не буквальное отражение всего творческого потенциала художницы, но лишь его части. И в этой своей части, как нам видится, Юлия предстаёт как символист. Фотографии — постановочно-портретные, пейзажные, репортажные — объединены одним подходом. Это фотографии-символы. Так — символичны пустые лодки перед вечерней грозой у пологого берега реки на фоне одиноких деревенских домов-построек, к которым сквозь подёрнутую предосенней ржавчиной траву ведёт едва различимая тропка. На первом плане — скользкий, глинистый берег с брошенной вдоль

речного русла одинокой доской-горбылём. И, словно подчёркивая символизм печальной картины, название фотографии: «Деревенский причал». Хотел автор или нет, но иронично звучат эти слова в связи с изображённым на фотографии! И сложилось бы от фотокартины более чем грустное впечатление, наводящее, благодаря названию, на «социально обострённые» размышления, если бы...

Вот это «если бы» и отличает почти все фотографии Юлии Поповой, представленные в этом проекте. Эти «если бы» и есть те метки, нюансы, которые «делают» картину, расставляют акценты ясно и недвусмысленно. Разглядывать, обнаруживая и объединяя детали, чтобы потом среди них — вот оно! — отыскать, увидеть нечто важное, значительное, главное — задача, которую предлагает зрителям фотохудожник. Или — есть и такие фотографии-истории в

представленном мире Юлии Поповой — обнаруживать взаимосвязь предметов, действий, фотогероев, чтобы по совокупности сложить из них эстетическую формулу или установить опознавательный знак — символ «вечного смысла»: детство, старость, любовь, счастье....

Но вернёмся к деревенской пристани, к пустым лодкам и одиноким домам в конце лета — начале осени. Картина так и оставалась бы печально-грустной, когда грусть представляется скорее Левитановской, чем той, легко-светлой Пушкинской, если бы... Если бы не луч солнца, пробившийся сквозь тучи и широкой полосой растёкшийся по небу над низко сгустившейся предгрозовой тьмой. И в глади речной воды, как в зеркале, отражено это небесное состояние. При этом в отражении больше солнечного света и ясной синевы, чем в небе. А грозные тучи более похожи на расплывшееся пятно от нефтяной кляксы глинистого берега с причалом-горбылём, чем на грозную гнетущую небесную мглу. Отражённый солнечный свет словно направлен в лицо зрителю, а свет небесный подчёркнуто освещает лодки у берега. И это уже по-пушкински: нам «грустно и светло», это о надежде и о любви, о радости и неповторимости земного бытия. Это о счастье, которое за поворотом, надо только дойти и разглядеть... А теперь, не отходя от фотокартины, здесь и сейчас обратимся к стихам Игоря Григорова: «Это очень красиво: // Там, где солнца луч загустел, — // Подорожник, крапива, //

Одуванчик да чистотел, // И проносятся в высоте // Тучи, набранные курсивом...». Вот оно!.. Переведите дыхание. Задумайтесь. И... вернитесь к фотографии, если вы не сразу поняли про «солнца луч».

Если бы Григоров просто описывал картину, то ничего подобного бы не случилось: стихи были бы не интересны, а впечатление от фотографии «смазалось» бы банальным словесным описанием — этакий «разбор полётов», но зачем-то в стихах. В том-то и дело: в этом небольшом стихотворении нет ничего от фотографии-повода. Прописанные детали — из другого мира: всё такое цветочно-травяное, словно поэт лежит на прибрежном лугу, через который петляет тропка с фотографии. Лежит на спине, закинув руки за голову, и смотрит в небо, где «солнца луч загустел», и тучи проносятся курсивом. Ясная картина. Но другая картина — из мира поэта Григорова, с головой выдающая в нём романтика-мечтателя, для которого «очень красиво» — это не одуванчик, крапива, подорожник да чистотел, а то, что там — в высоте. Чистое искусство, мечта... А теперь соедините, казалось бы, не соединимое, земное, в чём-то тяжеловесное и весомо-символичное, знаковое Юлии Поповой с лёгким, воздушным, романтически-неземным Игоря Григорова — и вы почувствуете, поймёте, что это... хорошо. И это дело «рук» поэта и художника, двух созерцателей Земли и Неба. Но это ещё и дело вашей души, потому что вы оказались вовлечёнными в это искушение созерцания, где есть

распознавание бытия и постижение духа. И ещё одно замечание: большинство стихотворений Игоря Григоровича в этом проекте написаны как бы изнутри картины, так что вы осознаёте, физически ощущаете, где находится лирический герой в предлагаемом фотохудожником пространстве, в какой его точке и куда направлен взгляд. Это тем более удивительно, что, когда «извлекаешь» стихотворение из проекта, оно читается как вполне самостоятельный, насыщенный смыслами текст, которому не требуются никакие «иллюстративные костыли». И у меня почему-то нет сомнений: Игорь Григорович будет в дальнейшем включать свои стихотворения, вдохновлённые фотографиями Юлии Поповой, в поэтические книги и подборки. Разбирать, рассматривать, сопоставлять и удивляться открытиям новых смыслов можно «войдя» в пространство, созданное каждой «творческой парой» проекта. И каждый зритель-читатель, если он настроен думать и сопереживать, отыщет и разгадает для себя символы от Юлии Поповой и наполнится радостью и мечтой от Игоря Григоровича, и станет богаче на целый мир. Это будут ваши личные «отгадки» и открытия, личные душевные переживания и эмоции. Делать эту радостную работу за вас — становится помехой в поиске вашего счастья за поворотом, к которому показали дорогу фотохудожник и поэт. По сему разбирать остальные фото-поэтические экзерсисы Попова и Григоровича я не стану... хотя — очень хочется. Может быть — по-

том, когда-нибудь. По частям, под настроение. В конце концов, я тоже созерцатель, вовлечённый в творческую игру талантливых людей...

Корни русского счастья

Говоря о проекте Поповой-Григоровича, не могу не обратиться к главному вопросу: о чём же всё-таки эта выставка? Есть ли у неё ключевая, сквозная тема? Или это всего лишь некая эстетическая программная инсталляция, где есть самостоятельные фото-поэтические пары, объединённые между собой лишь эстетическим подходом, формой и техникой подачи материала?

На мой взгляд, сквозная тема есть, и её наличие делает выставку и книгу уже не только эстетическим, но и, по большому счёту, культурным событием. А это означает, что проект Поповой-Григоровича несёт в себе некий социально-значимый заряд, актуальный и содержательный, наполненный духовностью, и, я уверен, содержащий вопросы и ответы на вызовы современного русского бытия. Кто мы, откуда родом, зачем мы? И это — не голословные заявления.

Абсолютное большинство фотографий, отобранных Юлией Поповой для проекта, посвящены современной русской северной деревне, деревенской жизни, деревенской природе. Это места, которые Юлия хорошо знает, понимает и любит всем сердцем. Ценность предлагаемой художницей фотоподборки заключается в том, что деревенский мир изображён с разных сторон и в разных ипо-

*Реки, озера, мари.
Лодки анилые доски.
Хватит болтать о шаре -
Мир, несомненно, плоский.*

*Верх, да и низ - панни
Хляби, осока, ряска.
Только посередине -
Радостно и прекрасно...*

*Терпкий запах заповедных трав
Заполнит душу без остатка.
Память детства - ярка и остра,
Все иное - трепетно и шатко,*

*И непобедима тишина,
До краев исполненная света...
Бархатно-зеленая волна
На груди укачивает лето.*

стасях. И в то же время перед нами предстаёт определённая целостная, но не всеобъемлющая картина русской деревенской жизни. Это предопределено избирательностью личного взгляда фотохудожника. Возможно, при иных обстоятельствах, в иное время Юлия собрала бы другие фотографии. Но в том и заключается проявление таланта: Попова, за редким исключением, сумела подчинить своё творческое портфолио одной теме, найдя для неё разные, но при этом глубоко личные «ракурсы». Я сказал «за редким исключением», потому что не могу не отметить нескольких фотографий, которые, возможно, хороши и инте-

ресны, но ни по теме, ни по настроению они не «падают в десятку» и потому смотрятся, как мне представляется, неуместно. Таких «чужаков» не более трёх, и они бросаются в глаза как «досадное недоразумение». В то же время они только подчёркивают значимость, эстетическую целостность всей остальной выставки-книги.

Итак, какая же она, русская северная деревня глазами Юлии Поповой?

Разглядывая фотографии Юлии, я попробовал отыскать повторяющиеся опознавательные знаки, отражающие деревенский мир, на который мы смотрим её глазами. Это те предметы, фигуры, явления,

действия, из которых в последующем складываются или возникают как диссонанс или противоречие символы.

Опознавательные знаки фоторабот Юлии Поповой «Счастье за поворотом»

Первая группа: река — вода, берег, лодки, песок, следы и рисунки на песке, рыба, сети, паруса. Вторая группа: деревенские портреты — старики, дети. Третья группа: деревенский быт — деревенские дома, постройки, заборы, утварь, инструменты. Четвёртая: деревенская жизнь (события) — старость, детство. Пятая: деревенский пейзаж — луг, деревья, лошади.

Но есть и фотографии, объединяющие в себе несколько подобных опознавательных групп. Они придают фотовыставке масштаб. Каждая из таких синтез-фотографий — это уже отдельный мир, отдельная история, наполненная деталями и смыслами. Это — как отражения в отра-

*Солнце ясное, солнце летит
ничего твоего не трону,
лишь чуть-чуть золотого света,
чтобы сделать себе корону.*

*Паутина, совсем без веса,
не развей ее, милый ветер!
ибо есть чудачки на свете,
что не знают, что я принцесса!*

*В небе — облаков чешуя,
После солнца — тающий след.
Памяти моей вчех
Не удержит прожитых лет.*

*Время — только посох в руке,
А судьба — тропинка к реке.*

жении: повторяющиеся, уходящие вглубь. И стихи к этим фотографиям звучат по-особому: Игорь Григоров словно сбрасывает с себя личину умиротворённого созерцателя и становится путешественником, флибустьером — «действующим» романтиком, отправившимся на поиски приключений, и мудрецом.

К таким фотографиям-историям относится «Старый чердак». Мальчишка лет десяти или чуть больше сидит под стропилами и мечтательно смотрит в дальнее слуховое окно, откуда льётся яркий солнечный свет, озаряя лицо ребёнка. По всему судя, дело происходит летом. Вокруг сушится подвешенная под крышей рыба, висят рыболовные сети, у ног мальчика — удавом свернулся канат. Фотография чёрно-белая, но оставляет ощущение полноцветной. Каждая деталь «прорисована», даже залитые солнцем щели между чердач-

ными досками. И поэт превращается в этого мальчишка — героя фотографии, а чердак становится пиратским бригам: «Достаю самодельную трубку, // Надеваю повязку — и мигом // Мой чердак превращается в рубку, // Флибустьерского чёрного брига. // Вот купец — так и ждёт абордажа! // Будет битва, а значит — победа! // Если мама тихонько не скажет: // — Эй, пират, не пора ли обедать?»

Удивительное, одновременно умиротворённое и тёплое настроение создаёт цветная фотография «В старом доме». Мальчишки, вполне возможно городские, приехавшие погостить к бабушке-дедушке в деревню, сидят за столом возле открытого патефона, на котором играет старая пластинка. На столе горит керосиновая лампа, и один из мальчишек подкручивает фитиль. И снова свет, только уже не солнечный, но всё равно свет, озаряющий

лицо мальчишки и отражённый в зеркальном боку самовара, который едва выглядывает из-за правого края фотографии, вытянув вперёд, словно руку начищенный носик крана. Поэт (редчайший случай для этого проекта!), перечисляет «главные предметы» — опознавательные знаки фотографии: патефон и керосиновая лампа. Новоторомчетверостишии — вполне в логике «своего стиля» — он из мальчишки-романтика превращается в доброго и мудрого дедушку-сказочника. Тепло и хорошо на сердце. Русский деревенский мир. Наша память. Наше родство. Корни, которые нельзя потерять: «Знали бы вы, мои хорошие, // Что в комод, в нижнем ящике, // Между будущим и прошлым // Притаилось настоящее...»

И напоследок — ложка дёгтя в бочку мёда: мне кажется, название «Счастье за поворотом» не отражает тематической окраски выставки и книги. Во всяком случае, в отношении фотографий Юлии Поповой. Но почему-то всякий раз, когда я рассказываю об очередной творческой паре «фотография плюс стихи», мне хочется завершить разговор фразой: «Счастье за поворотом?»

Может, потому, что я тоже пишу стихи или потому, что на самом деле перед нами настоящая Поэзия в фотографиях и Слове. А Поэзия, как известно, живёт по своим законам,

*И будет той ночи память
К нам приходит украдкой,
Во рту карамелькой таять —
Мятною, горько-сладкой...*

*А кукушка года считает,
Смешная, понять не хочет,
Что мы навсегда остались
В памяти этой ночи...*

подчиняя наше сердце, заставляя его биться учащённо и... мечтать.

Будьте счастливы!